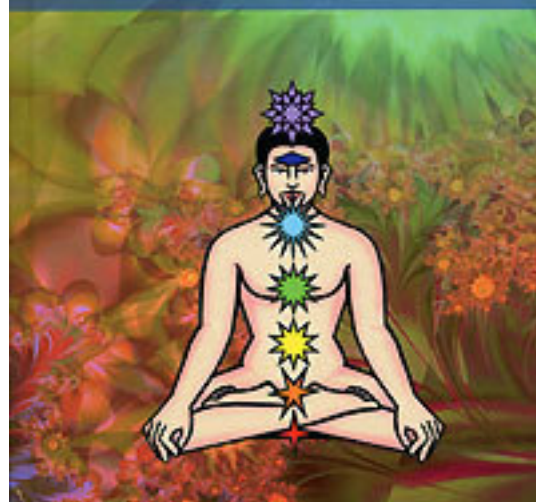

Йог Рамачарака

ЖНАНИ-ЙОГА

Йог Рамачарака

Жнани-йога

«Автор»

Рамачарака Й.

Жнани-йога / Й. Рамачарака — «Автор»,

Часть философии йогов, носящая название «Жнани-йога» трактует о научном и интеллектуальном изучении великих вопросов жизни и того, что скрывается за жизнью – о тайнах мира. Полезно изучить мудрость «Жнани-йоги», чтобы понимать изумительные истины, лежащие в основе жизни, чтобы постигнуть науку Бытия.

© Рамачарака Й.

© Автор

Содержание

Чтение 1. Единый	5
Основные мысли	14
Чтение 2. Вездесущая жизнь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рамачарака Жнани-йога

Чтение 1. Единый

Философия йогов может быть разделена на несколько больших отделов или областей. Та часть ее, которая называется «хатха-йога», говорит о физическом теле человека, о контроле над телом, о его благосостоянии, здоровье, сохранении, о законах его существования и т. п. Часть, называемая «раджа-йога», говорит о психическом мире, об уме, о контроле над ним, его развитии, расширении и т. п. «Бхакти-йога» рассматривает религиозную эмоцию, любовь к Абсолюту – к Богу. Часть же, носящая название «жнани-йога», трактует о научном и интеллектуальном изучении великих вопросов жизни и того, что скрывается за жизнью – о тайнах мира.

Каждая ветвь учения йогов является путем, ведущим к одной и той же цели – к расцвету, развитию и росту человека. Тот, кто хочет сначала развить и укрепить свое физическое тело, научиться управлять им, для того чтобы сделать его надлежащим орудием для выражения своего высшего Я, должен пройти путь «хатха-йоги». Кто хочет развить в себе силу воли и умственные способности, развернуть свои внутренние свойства и скрытые силы, пусть следует по пути «раджа-йоги». Кто желает путем «знания», путем изучения уяснить себе основные начала и изумительные, правящие жизнью истины, пусть вступит на путь «жнани-йоги»; и, наконец, кто хочет через любовь соприкоснуться с Единой Жизнью, – пусть идет по пути «бхакти-йоги».

Но не нужно думать, будто человеку, изучающему йогу, следует ограничиться каким-нибудь одним из этих путей к могуществу. Да, в действительности так поступают лишь очень немногие. Большинство стремится приобрести полное знание и знакомится с основоположениями всех отраслей йоги, извлекая полезное для себя отовсюду, но, конечно, останавливаясь преимущественно на том, что больше другого говорит уму и чувству. Такое влечение человека к той или другой стороне йоги является указанием на его нужды и потребности и служит для него как бы рукой, указывающей ему путь.

Чтобы очистить, укрепить, оздоровить свое тело и сделать из него более подходящее орудие для выражения своего *высшего Я*, всякому полезно будет ознакомиться с учением «хатха-йоги». – Следует также знать что-нибудь из «раджа-йоги», – это поможет понять, как нужно тренировать, контролировать в себе ум и пользоваться волей. Одинаково полезно изучить и мудрость «жнани-йоги», чтобы понимать изумительные истины, лежащие в основе жизни и постичь науку Бытия. И несомненно каждый должен изучить «бхакти-йогу», чтобы понять великое учение любви, правящее всякой жизнью.

«Хатха-йоге» и «раджа-йоге» посвящены отдельные книги. Кое-что говорили мы уже и о «жнани-йоге» в книгах «Основы мирозерцания индийских йогов» и «Пути достижения йогов». Там же мы касались и «бхакти-йоги», потому что не представляем себе, как можно преподавать или изучать какой-нибудь отдел учения йогов, не преисполняясь чувством любви и единения с Источником всякой жизни. Знать Подателя жизни – значит любить Его; и чем больше мы будем познавать Его, тем больше любви мы будем проявлять.

В этом курсе чтений мы будем говорить о «жнани-йоге», – йоге мудрости; мы постараемся выяснить самые главные и высшие из ее положений. И мы надеемся, что нам удастся пробудить в читателях еще более высокое сознание их сродства с Единым и вызвать в них соответствующую любовь к тому, чем люди живут, и движутся и существуют.

Начнем с рассмотрения того, что уже давно считается «вопросом всех вопросов» – с вопроса о том: «что есть реальность». Чтобы понять этот вопрос, нам стоит только бросить

взгляд на окружающей нас видимый мир. Мы видим необъятные массы того, что наука называет «материей». Мы видим в бесчисленных формах и видах действие чего-то удивительного, что называется «силой» или «энергией». Мы видим вещи, составляющие «формы жизни», в полном разнообразии их проявлений, начиная с маленького комочка протоплазмы – клеточки, до той формы, которая носит название человека.

Но, изучая этот мир явлений при помощи науки и ученых изысканий, – какую бы громадную ценность ни заключало в себе такое изучение, – мы все-таки приходим к такому пункту, далее которого идти мы не можем. Материя расплывается в загадку, – сила претворяется во что-то иное, – тайна живых организмов лукаво прячется от нас. Но, теряя этот мир «внешности и проявления», мы видим себя стоящими перед чем-то иным, что, как мы находим, должно лежать в основе всех этих изменчивых форм, видов и явлений.

Это нечто мы и называем истинной реальностью, ибо оно – реально, неизменно и постоянно. И хотя люди расходятся, спорят, не соглашаются и враждуют во взглядах на эту реальность, но тем не менее есть один пункт, который все вынуждены признать; это – что *реальность – одна*, что в основе всех форм и явлений должна быть *одна реальность*, из которой и вытекают все вещи. Исследование этой реальности и составляет поистине вопрос всех вопросов мира.

Высший разум человека, так же как и самая глубокая его интуиция, – всегда говорили ему, что эта реальность или лежащее в основе всего существо, должно быть *Единое*, и что вся природа представляет из себя различные формы проявлений, эманаций или выражений этого единого начала. Все философы признавали, что жизнь есть река, текущая из одного великого источника, природа и имя которого нам неизвестны, а некоторые говорили даже – и непостижимы. Но как бы ни расходились люди в своих теориях относительно природы этого начала, все сходятся на том, что оно может быть только *единым*. Разногласие наступает только тогда, когда этому «единому» начинают давать названия и анализировать его.

Посмотрим же, что думали и говорили люди об этом едином начале; это поможет нам разобраться в самом характере нашей проблемы.

Материалисты утверждают, что начало всего есть материя, – самостоятельно существующая, вечная, бесконечная, заключающая в самой себе потенцию энергии и разума. Другая школа – энергическая, тесно примыкающая к материалистам, называет это начало энергией, считая материю и разум лишь видами ее проявлений. Идеалисты, наоборот, утверждают, что единое начало есть дух, и что материя и сила суть лишь идеи этого мирового духа. Теологи провозглашают единым началом личного Бога, всегда, при всем разнообразии своих учений и догматов, приписывая ему определенные свойства, характеристики и т. п. Натуралисты в основу всего кладут природу, которая непрерывно проявляет из себя неисчислимые формы. Оккультисты различных школ, восточных и западных, учили всегда, что единое начало есть Бытие, жизнь которого образует жизнь всех живых форм.

Все философские учения, все науки, все религии говорят нам, что этот мир видов, форм и названий – лишь призрачный или кажущийся мир, мир феноменов, за которым скрывается настоящая сущность вещей, которой различные философы давали различные названия. Но помните, что в основе *каждой имеющей значение философской системы* лежит та или иная форма монизма, т. е. идея *единого*, известного или неизвестного Бога, постижимого или непостижимого начала, субстанции, энергии или духа. Основа всего существующего – одна; она может быть только одна; таково неизбежное заключение высшего человеческого разума, человеческой интуиции или веры.

Тот же разум говорит нам, что эта единая жизнь должна обуславливать собой и жизнь всех живых организмов; что все видимые вещественные формы, силы, энергии и принципы должны эманировать из этой единой основы.

Нам могут возразить, что учения о личном Боге не придерживаются такого взгляда, так как, согласно им, Бог является творцом мира, который он создал из себя, как создает новое

произведение художник. Но это возражение ничего не значит, так как откуда же мог Творец мира взять материал для своей вселенной, как не из самого себя? Откуда взялась энергия, если не из того же источника? Откуда жизнь, если не из его собственной жизни? Итак, в конце концов, очевидно, что начало должно быть одно, а не два, даже и в том случае, если мы примем термины «Бог и Его вселенная», так как и тогда мир должен был возникнуть из Бога, и может существовать, двигаться, действовать и мыслить лишь в силу позволяющей это сущности Божией.

При рассмотрении идей различных мыслителей нас поражает тот факт, что все школы в своих теориях проявляют некоторую односторонность: они видят лишь то, что совпадает с их теориями, и закрывают глаза на все остальное. Материалисты говорят о бесконечной и вечной материи, хотя новейшие изыскания показали, что материя переходит в ничто – вечный атом распадается на бесконечное количество частиц, называемых электронами, которые, в конце концов, представляют из себя не что иное, как скопление электричества, «сгущенный в эфире узелок»; а что такое эфир, наука до сих пор разьяснить не может. Энергию также нельзя себе представить иначе, как только действующей в материи. Энергия же всегда подчиняется определенным законам; а законы немыслимы без законодателя, и законодатель немыслим без разума или чего-то высшего, чем разум. Разум же такой, как мы его знаем, по-видимому, слит с материей и энергией в одну удивительную комбинацию и подчинен внешним для себя законам; он разнообразен, изменчив и непостоянен, т. е. обладает атрибутами, несовместимыми с понятием об Абсолютном. Оккультисты признают разум, – каким мы его знаем, – так же, как и материю и энергию, только внешним и относительным проявлением чего-то гораздо более высокого и постоянного; для обозначения этого «чего-то» мы должны вернуться к старому термину, который употребляли мудрецы, говоря о том, что скрывается за энергией и разумом, слово это – «Дух».

Что значит слово «Дух» мы точно определить не можем; для описания его у нас нет понятий. Но мы можем мыслить его как «сущность» жизни и бытия, как реальность, скрывающуюся за жизнью вселенной.

Конечно, нет имени, которое могло бы вполне описать «Единого». В других книгах мы употребляли термин «Абсолют»; мы будем пользоваться им и дальше, но читатели наши могут заменить его и другим словом, если найдут другое слово более подходящим. Слово «Бог» мы не употребляем (за случайными исключениями, когда в обозначении требуется выразить оттенок) не потому, что мы с этим понятием не соглашались, а просто во избежание риска отождествить Абсолют с какой-нибудь одной идеей личного Бога и определенными атрибутами, приписываемыми ему теологическими школами. Слово «принцип» не нравится нам, потому что оно включает в себе представление о чем-то холодном, нечувствующем и абстрактном, тогда как мы понимаем Абсолютный Дух или Бытие, как живую, горячую, живительную действующую и чувствующую реальность. Многие предпочитают слово «природа»; мы не употребляем его потому, что для очень многих с ним связано чисто материалистическое значение; но это слово дорого для нас, когда оно относится к внешнему проявлению жизни Абсолюта.

О действительной природе Абсолюта мы, конечно, на самом деле знать ничего не можем, ибо она превосходит всякий человеческий опыт, и у человека нет мерила, которым он мог бы измерить Бесконечное. По справедливому выражению Спинозы, «определять Бога – значит отрицать Его»; ибо всякая попытка определить Его является попыткой его ограничить, – стремлением сделать бесконечное конечным. Определить вещь значит отождествить ее с чем-нибудь другим, – а где же взять то, с чем можно отождествить бесконечность? Абсолют нельзя описывать терминами, выражающими относительные понятия. Он не есть Нечто, – хотя и включает в себе реальность, лежащую в основе всего существующего. Ему нельзя приписать качеств или каких-нибудь видимо отдельных от него частей, потому что он есть Все. Он все то, что действительно *существует*.

Он выше материи, силы и разума, – в том виде, как мы их знаем; и тем не менее все эти вещи исходят из него и должны заключаться в его природе, так как проявления должны заключаться в проявляющем; никакая река не может подняться выше своего источника, и действие не может быть больше причины; нельзя создать нечто из ничего.

Но человеческому уму трудно схватить то, что выходит за пределы его опыта; многие философы говорят даже, что это вообще невозможно. Такое же заключение приходится и нам сделать относительно наших понятий и терминов, касающихся высших проявлений Абсолюта. В шкале относительных ценностей мы считаем разум выше материи и энергии; а потому при рассуждениях об Абсолюте нам кажется более подходящим термин «разум», чем термины материя или энергия. Постараемся же представить себе бесконечный разум, о котором Герберт Спенсер говорит, что он является «формой бытия, настолько превышающей интеллект и волю, насколько эти последние превышают простое механическое движение».

Вполне справедливо (как это известно всем оккультистам), что наиболее ценные сведения об Абсолюте нам дает то наше Я, которое лежит выше интеллекта; но мы считаем своим долгом рассмотреть сообщения интеллекта и его указания о Едином. Развитой интеллект заложен в нас для того, чтобы мы могли пользоваться им, – чтобы мы могли рассуждать, взвешивать и мыслить; он побуждает нас постоянно прибегать к нему. Заставляя его работать, мы не только укрепляем и развиваем его, но и получаем при его помощи сведения, недоступные нам другим путем. Кроме того интеллект помогает нам открывать ошибки и заблуждения, заполнявшие наш ум вместе со взглядами и догматами других людей; по выражению Канта – «главная, а, может быть, и единственная роль чистого разума – отрицательная. Он не есть орудие расширения, а только дисциплина для ограничения. Он не раскроет истины; его скромная функция – предохранять от заблуждений». Прислушаемся же к сообщениям, доходящим до нас через интеллект и высшие сферы мышления.

Одно из первых сообщений интеллекта об Абсолюте говорит нам, что Абсолют должен был существовать всегда и будет существовать вечно. Это заключение неизбежно при всякой точке зрения – материалистов, философов, оккультистов или теологов. Абсолют не мог возникнуть из пустоты, а вне его не было никакого другого источника, из которого бы он мог выйти. Точно так же нет вне его и никакой силы, которая могла бы прекратить его существование. Бесконечную или Абсолютную Жизнь мы не можем представить себе смертной. Значит – Абсолют должен быть вечен; таково указание интеллекта.

Человеческий ум практически не может даже мыслить идею вечности, хотя и принужден верить в то, что вечность есть свойство Абсолюта. Затруднение возникает от того факта, что интеллект рассматривает все сквозь призму времени и причинности. Но причинность и время – это только феномены или видимости относительного мира, и им нет места в Абсолютном или Реальном. Посмотрим, можем ли мы понять это.

Размышление показывает вам, что единственное основание, почему вы не можете представить себе или нарисовать *беспричинную причину*, заключается в том, что все, что вы испытывали в этом относительном мире чувств, имело свою причину, от которой и возникало. Вокруг себя вы повсюду видели действие причины и следствия, и ваш интеллект совершенно естественно принял за данное, что без источника не может появиться ни одна вещь – нет ничего, что не имело бы своей предварительной причины. И, поскольку дело идет о вещах, интеллект совершенно прав; все вещи относительны и потому они имеют свою причину. Но за этими вещами, зависящими от причин, лежит то, что является Причиной всех вещей и что, не будучи само вещью, не могло быть порождено чем-нибудь другим, или явиться следствием какой бы то ни было причины. Ум ваш колеблется, когда вы пытаетесь представить себе то, что не имеет никакой причины; в чувственном мире ваш опыт не знает такой вещи, и представление у вас не вырабатывается. Это вне вашего опыта, и вы не можете создать соответствующей умственной картины. Тем не менее, ум ваш принужден верить в то, что была какая-то Основа, не имевшая

причины. Это трудная задача для интеллекта, но со временем он приходит к тому, что видит, в чем заключается трудность, и перестает противопоставлять возражения голосу, идущему из высших плоскостей нашего Я.

Подобное же затруднение испытывает интеллект, пробуя мыслить о Вечном, – о том, что выше времени и вне времени. Мы повсюду встречаемся с действием времени и принимаем за данное, что время – есть реальность, нечто действительно существующее. Но это – лишь обман чувств. Времени, как реальности, не существует. Оно существует только в нашем уме. Оно – лишь форма представления, посредством которой мы выражаем сознание происходящей в вещах перемены.

Время мы не можем представить себе иначе, как в связи с переменной, происходящей в вещах и отмечаемой нашим сознанием, – все равно, происходит ли эта перемена в вещах внешнего мира или в проносящихся в нашем уме мыслях. День – это простое сознание передвижения солнца; час или минута – простое подразделение дня, или сознание движения часовой стрелки по циферблату, – простое сознание вещей, – символ происходящей в вещах перемены. Одним словом, – если бы в вещах не было перемены, не было бы и времени. Время есть лишь продукт нашего ума. Таково свидетельство интеллекта.

Кроме заключений о времени чисто абстрактного характера, мы и в повседневном опыте встречаем массу примеров, подтверждающих относительность времени. Все мы знаем, что когда мы поглощены интересом, время бежит быстро, и наоборот – когда нам скучно, время тянется самым позорным образом. Мы знаем, что в счастье время летит со скоростью метеора, тогда как в несчастье оно ползет черепашим шагом. В приподнятом состоянии наше внимание в значительной степени отвлечено от перемен, наступающих в вещах – именно потому мы и не всматриваемся в вещи. Когда же мы несчастливы или скучаем, мы замечаем в вещах все детали и их перемены, и тогда время кажется нам бесконечно длинным. Крохотное насекомое клещик проживает свою жизнь – родится, вырастает, вступает в брак, размножается, достигает старости и умирает – все в течение нескольких минут, и, без сомнения, жизнь его так же полна, как жизнь слона, длящаяся целое столетие. Почему? – *Потому что в ней происходит одинаковое количество событий!* Когда наше сознание отмечает много событий, мы получаем впечатление и ощущение продолжительности времени. Чем больше отпечателось в сознании вещей, тем длиннее ощущение времени. Когда мы, поглощенные интересом, говорим с любимым человеком и забываем все, что происходит вокруг нас, – часы пролетают для нас незаметно; и те же самые часы, в том же самом месте, кажутся целыми днями тому, кто не заинтересован или не занят так, как мы.

Бывает, что задремавшие на минуту люди за одну секунду до пробуждения, видели во сне столько событий, что они, казалось бы, могли заполнить собой целые годы. Многие из читателей, наверное, испытали это на самих себе; много таких случаев было зарегистрировано наукой. С другой стороны, можно уснуть и спать целые часы без сновидений, а проснувшись, уверять, что вы задремали лишь на минуту. Время принадлежит относительному уму и ему нет места в Вечном или Абсолютном.

Затем интеллект говорит нам, что об Абсолюте надо мыслить как о неограниченном в пространстве – находящемся всюду – вездесущем. Он не может быть ограничен, ибо вне его для него нет ограничений. Для него нет такого места, которое было бы «нигде». Каждое место есть «где-то», – везде – наполнено всем, – бесконечной сущностью – Абсолютом.

И так же, как это было с идеей времени, нам чрезвычайно трудно, если не невозможно, – образовать идею Вездесущности, – идею того, что занимает бесконечное пространство. Ибо все, что наш ум постигал на опыте, имело расстояние и границы. Тайна тут заключается в том факте, что пространство, как и время, не имеет реального существования за пределами наших представлений, нашего сознания относительного расположения вещей, – материальных предметов. Одни вещи мы видим тут, другие – там. Между ними – ничто, пустота. Мы берем

другой предмет, «меру длины», скажем ярд, и измеряем им пустоту между двумя предметами; это измерение пустоты между двумя предметами мы обозначаем термином «расстояние». Но в действительности мы не измеряли пустоты, – ее измерить невозможно. Что же мы такое сделали? Да просто определили, сколько раз ярд мог поместиться между двумя намеченными предметами.

Этот процесс мы называем измерением пространства; но пространство – ничто, и мы только определили положение предметов относительно друг друга.

Для того чтобы «измерить пространство», нам нужно иметь: 1) предмет, от которого мы начинаем измерение; 2) предмет, которым мы измеряем, и 3) предмет, которым мы заканчиваем наше измерение. Мы не можем представить себе бесконечного пространства, потому что нам не хватает третьего предмета в процессе измерения – предмета, заканчивающего измерение. За исходный пункт мы можем принимать себя, воображаемая мерка тоже всегда найдется, но где же предмет, лежащий по другую сторону бесконечного пространства, которым мы могли бы закончить измерение? Его нет, а без него мы не можем найти конца. Попробуем начать с самих себя и вообразим себе простирающиеся от нас миллионы миллионов миль; помножим их еще на миллион миллионов, и повторим это миллион миллионов раз. Что же мы сделали? Просто протянули нашу воображаемую мерку некоторое число раз в направлении воображаемой точки в пустоте, которую мы называем пространством. Пока все хорошо; но ум интуитивно признает, что за этой воображаемой точкой в конце последнего ярда есть возможность бесконечного укладывания ярдов, – бесконечная возможность протяжения. Протяжения чего? Пространства? Нет! Только мер длины или предметов. Без материальных предметов пространство немислимо. Оно не существует вне нашего сознания предметов. Такой вещи, как просто пространство, – нет. Пространство есть всего лишь бесконечная возможность укладывания предметов. Оно само по себе есть только название пустоты. Если вы можете образовать идею предмета, вычеркнутого из существования, и идею занявшего место ничего, то это ничто и называется пространством; самый термин подразумевает в себе возможность занять место чем-либо, не перемещая с этого места ничего другого.

Размер или величина является другой формой выражения идеи расстояния. В этом отношении не будем забывать, что если мы можем мыслить пространство как бесконечно протяженное в величину, то точно так же мы можем мыслить его бесконечно мало протяженным. Как бы ни был мал предмет, мы все же можем думать о нем, как о способном подразделяться до бесконечности. В этом направлении также нет границ. По выражению Жакоба: «Идея бесконечно малого так же трудно укладывается в нашем уме, как и идея бесконечно большого. Несмотря на это, мы неизбежно должны допустить реальность бесконечности, как в сторону великого, так и в сторону малого». А Раденгаузен говорит: «Идея пространства – только неизбежная иллюзия нашего сознания или же нашей конечной природы; она не существует вне нас; мир бесконечно мал и бесконечно велик».

Телескоп развернул перед нами области изумительной величины и обширности, а усовершенствованный микроскоп раскрыл нам мир изумительно мелких и малых величин. Микроскоп показал нам, что одна капля воды заключает в себе целый мир мельчайших живых организмов, которые живут, питаются, враждуют друг с другом, размножаются и умирают. Ум может представить себе вселенную, занимающую пространство не больше, чем одна миллион-миллионная часть самого маленького пятнышка, видимого в самый сильный микроскоп; – пусть он представит себе такую же вселенную, заключающую в себе миллион миллионов солнц и миров, подобных нашему, и населенных подобными нам живыми существами, – живыми и мыслящими существами, во всех отношениях тождественными с нами. И действительно, как утверждали некоторые философы, если бы наш мир вдруг вырос до таких размеров, – но при этом относительные пропорции всего были бы сохранены, то мы бы не заметили никакой перемены, жизнь казалась бы прежней и мы, в отношении самих себя к Абсолюту,

остались бы точно такими, какими были и до сих пор. И так же было бы, если бы мир увеличился в миллион миллионов раз. Все эти перемены не внесли бы никакой действительной разницы. С точки зрения Абсолюта, между малейшим пятнышком и величайшим солнцем нет никакой разницы.

Мы остановились на этих примерах для того, чтобы читатели лучше поняли относительность пространства и времени, и уяснили себе, что это – только простые символы вещей, употребляемые нашим умом при обращении с конечными предметами и не имеющие реального существования. Если это понятно, то дальше уже легче усвоить себе идею бесконечности времени и пространства.

По выражению Раденгаузена: «За пределами человеческого разума нет ни пространства, ни времени; и то, и другое представляет из себя лишь произвольные идеи человека, к которым он пришел путем сравнения и сопоставления различных впечатлений, получаемых им от внешнего мира. Понятие пространства возникает из ряда различных форм, наполняющих пространство, посредством которых внешний мир является индивидууму. Идея времени возникает из наблюдения последовательности различных форм, наполняющих пространство (движение), так как мир является индивидууму в этой последовательности. Но вне нас различие между заполненностью пространства и переменностью пространства не существует, ибо каждое находится в постоянном превращении, заполняя и изменяясь в одно и то же время, – ничто не находится в состоянии покоя». А по словам Роккерта, «мир не имеет ни начала, ни конца, ни в пространстве, ни во времени. Повсюду есть центр и поворотный пункт, и в моменте заключается вечность».

Далее, интеллект говорит нам, что мы должны мыслить Абсолют заключающим в себе все могущество, какое только есть, ибо не может быть другого источника или вместилища силы, и не может быть силы, которая бы могла его ограничивать, умерять или сталкиваться с ним. Все законы мира должны быть созданы Абсолютом, ибо другого законодателя нет; и всякое проявление энергии, силы и могущества, скрытого в природе или явного, должно быть частью могущества Абсолюта, действующего по указанному им направлению. В третьем чтении, озаглавленном «Творческая воля», мы увидим эту силу, проявляющейся в жизни, как мы ее знаем.

Затем интеллект говорит нам, что мы должны думать об Абсолюте, как о заключающем в себе все возможное знание или мудрость, ибо вне его не может быть никакого знания или мудрости; а потому всякая мудрость или знание должно заключаться в нем. Мы видим, что относительные формы жизни проявляют разум, мудрость и знание; последние должны выйти из Абсолюта по известным, установленным им законам; ибо в противном случае не было бы такой мудрости и т. д., так как им неоткуда больше появиться, как только из Абсолюта. Действие не может быть больше причины. Если есть что-либо неизвестное Абсолюту, то оно никогда не может быть известно конечному уму. Итак, *все знание*, какое есть, было и будет, должно *теперь* принадлежать Единому – Абсолюту.

Все это вовсе не означает, что Абсолют думает, как *думает* человек. Абсолют знает, не думая. Ему не нужно собирать знание путем процесса размышления, как это нужно человеку; мысль эта была бы смешна, ибо откуда извне может явиться знание к самому знанию? Когда человек думает, он привлекает к себе знание из мирового источника действием разума; Абсолют же может извлечь знание только из самого себя. Таким образом, мы не можем представить себе Абсолют принужденным думать, как это делаем мы.

Но, чтобы не быть неправильно понятыми в этом пункте, мы должны сейчас же сказать, что высшее оккультное учение говорит нам, что Абсолют *проявляет* свойство, несколько схожее с тем, что мы могли бы назвать созидательной мыслью, и что такие «мысли» Абсолюта проявляются в построениях и явлениях, становясь Творением. Созданные вещи, по учению оккультистов, суть «мысли Божества». Пусть эта идея не смущает вас и не заставляет вас думать, что вы – ничто, раз вы призваны к жизни мыслью бесконечного Единого. Мысль этого

Единого реальна в относительном мире – т. е. реальна для всех, кроме самого Абсолюта. Но и Абсолют знает, что *реальная* часть его творений должна быть частью его самого, проявляющейся путем его мысли. Мысль бесконечного должна быть реальной и должна составлять часть его самого. Она не может быть ничем другим. Считать ее за ничто – значит просто играть словами. Самая слабая мысль Бесконечного была бы гораздо более реальна, чем что-либо, созданное человеком, – крепка, как гора, – тверда, как сталь, – прочна, как алмаз; ибо если эти вещи являются эманациями из Разума бесконечного, а существуют лишь один день, то тем более высшие мысли – душа человека, – должны заключать в себе искру Божественного пламени – Духа бесконечного. Но об этих вещах мы будем говорить в своем месте, по мере развития наших чтений. Мы только хотели дать здесь немного пищи мыслям читателей относительно разума Абсолюта.

Итак, читатели видят, что в итоге высшего своего напряжения интеллект вынужден засвидетельствовать нам, что Единый или Абсолют, – Тот, реальное существование которого должен признать интеллект, – обладает природой, настолько превосходящей человеческий опыт, что ум человека, чтобы думать о нем, не находит у себя надлежащих понятий, символов и слов. И тем не менее, в силу собственных законов, интеллект обязан признать существование такого Единого.

Было бы безумием пытаться думать о Едином, беря его, как он есть сам в себе. Это невозможно потому, что мы можем мерить Его только человеческими свойствами. Он бесконечно превышает возможность всякого измерения. Высшие умы человечества говорят нам, что самое высокое усилие их мысли заставляет их признать, что о Едином, Самом по Себе, нельзя говорить, приписывая ему атрибуты и качества, выражаемые человеческим языком, – теми словами, который мы употребляем для обозначения предметов относительного мира; а весь наш язык состоит только из таких слов. Все наши слова выражают только относительные понятия, а все наши понятия, прямо или косвенно, вытекают из опыта. Вот почему у нас нет слов, чтобы мыслить или говорить о том, что превышает наш опыт, хотя интеллект и говорит нам, что истинная реальность лежит за пределами нашего опыта.

Все, что может сделать философия – это поставить нас перед великими парадоксами. Наука, в своей погоне за истиной, видит, что истина ускользает от ее сетей. Мы думаем, что Абсолют с намерением допускает это, чтобы человек, в конце концов, принужден был искать Духа в самом себе – единственное место, где он может соприкоснуться с Духом. Вероятно, это и есть ответ на загадку Сфинкса: «Внутри себя ищи того, что тебе нужно».

Открыть Дух человек может только в самом себе; однако же, раз ум наш признал существование Абсолюта, то он способен уже найти бесчисленные доказательства его деятельности и присутствия и при наблюдении внешней жизни. Всякая жизнь исполнена жизненной Силы и Воли Абсолюта.

Для нас жизнь – едина; мир – это живое единство, преисполненное, проникнутое и трепетно бьющееся Волей к Жизни Абсолюта. За всеми явными видами, формами, названиями, силами, элементами, принципами и субстанциями скрывается Единый – Единая Жизнь, присутствующая всюду и проявляющаяся в неисчислимых видах, формах и силах. Все индивидуальные жизни суть лишь центры сознания Единого, лежащего в основе всей Жизни, зависящие от нее в степени своего развития, выражения и проявления.

Для некоторых это, пожалуй, прозвучит, как пантеизм; на самом же деле мы сильно разнимся от всех школ и культов пантеизма. Пантеизм определяется, как «доктрина, по которой Бог состоит из соединенных сил и законов, проявляющихся в существующей вселенной», или по которой – «вселенная, взятая или рассматриваемая, как целое, – есть Бог». Подобные определения не сходятся с идеей Абсолюта в философии йогов – от этих определений веет лишь утонченным материализмом. Абсолют вовсе не представляет из себя «комбинации сил и законов, проявляющихся во вселенной». Он не есть и «вселенная, понимаемая, как целое». Нет, –

весь мир, все его силы и законы, даже и понимаемые, как целое, не имеют самостоятельного существования и являются лишь проявлением Абсолюта. Это, конечно, не совпадает с пантеизмом.

Мы учим, что Абсолют имманентен всем формам жизни вселенной; он пребывает в них, так же как и в силах, и законах мира, – но и те, и другие суть лишь проявления воли Единого. Мы учим, что этот Единый выше всех форм своих проявлений – Его существование и бытие не зависят от проявлений, которые оказываются лишь действием Причины.

В пантеистической вселенной – Бог есть лишь явление феноменального порядка; Абсолют же – это самый Дух жизни – Живая, действительно существующая Реальность; и Он остался бы таковым даже и в том случае, если бы не было никакого Его проявления в мире «внешности и выражения». Он снова вернулся бы в источник, из которого вышел. Абсолют – больше, чем гора или океан, – электричество или тяготение, – монара или человек; Он есть *Дух, – Жизнь, – Бытие, – Реальность, – Единый Существующий*; Он – Всемогуш, Вездесущ, Всеведущ, Вечен, Бесконечен, Абсолютен. Это – самые великие слова на человеческом языке, и все-таки они – лишь слабое отражение, лишь тень, отбрасываемая Самим Единым.

Абсолют – не отдаленное Существо, издали правящее нашими делами, не отсутствующее Божество, но Имманентная Жизнь в нас и вокруг нас, проявляющаяся в нас и делающая нас? в силу какого-то великого закона бытия, индивидуальными центрами сознания.

Более того, – Абсолют не остается безучастным и бесстрастным наблюдателем своего собственного творения. Он – преуспевающий с нами, стремящийся, активный, страдающий, радующийся и чувствующий дух, участвующий в переживаниях своих проявлениях, а не равнодушный свидетель. Он живет в нас, с нами и через нас. За всеми горестями мира можно найти великое сочувствие и страдающую любовь. Страдания мира – не наказание или свидетельство божественного гнева, а побочные результаты при выполнении какого-то космического плана, руководителем которого, при посредстве форм своих проявлений, является Абсолют.

Откровение Абсолюта, – устами некоторых просветленных, – говорит нам: «Все идет самым лучшим и единственно возможным образом; Я делаю все, что возможно; все хорошо, и в конце концов будет ясно, что это так».

Абсолют – не личное Божество, но Он включает в себе все, что может составлять всякую личность и всякие человеческие отношения. Отец, мать, дитя, друг, возлюбленный, – все находится в Нем. Все формы человеческой любви, всякая жажда сочувствия, понимания и поддержки могут найти прибежище в любви к Абсолюту.

Присутствие Абсолюта постоянно заметно в наших жизнях, а между тем мы беспрестанно ищем Его во внешнем мире, то тут, то там, требуя, чтобы он проявился и доказал свое существование. Он справедливо может сказать нам: «Так долго был ты со Мною, и не познал Меня». Великая трагедия жизни состоит в том, что Дух приходит к нам, – детям своим, – а мы не знаем Его. Мы не слышим Его голоса, который говорит нам: «Вы страдающие, – Я страдаю вместе с вами и через вас. Не Я ли сокрушаюсь в вас? Ваше горе – мое горе, – до самой последней агонии страдания. С вами и через вас Я испытываю всевозможные печали, и все-таки радуюсь, потому что Я знаю, что с вами и через вас Я достигну победы».

Вот слабое, понятие о том, что такое Абсолют. В следующих чтениях мы увидим деятельность Его во всех формах жизни и в нас самих. Мы близко подойдем к действию Его могучей воли, – близко соприкоснемся с Его любящим сердцем.

Запомните основные мысли этого чтения.

Основные мысли

В мире существует только Единая Жизнь. Основа этой единой жизни, – ее Реальное Я, ее сущность, – ее Дух – есть Абсолют, живущий, чувствующий, страдающий, радующийся, стремящийся и борющийся в нас и через нас. Абсолют есть то, что действительно существует; весь видимый мир и все формы жизни являются Его выражением, в силу Его воли. У нас не хватает подходящих слов для того, чтобы описать природу Абсолюта, но мы будем применять два слова для обозначения самой сути Его природы, поскольку мы можем видеть ее. Слова эти – *Жизнь и Любовь*; первое обозначает Его внешнюю, второе – внутреннюю природу. Будем же проявлять и жизнь, и любовь, как признак нашего происхождения и нашей внутренней природы.

Чтение 2. Вездесущая жизнь

В первом чтении этой книги мы проводили ту мысль, что ум человеческий не может думать об Абсолюте иначе, как об обладающем качеством Вездесущности – присутствия повсюду. Точно так же человеческий ум вынужден думать, что все, что *существует*, должно, быть Абсолютом или вытекать из Абсолюта. А если какая-нибудь вещь вытекает из Абсолюта, то, значит, Абсолют должен присутствовать в ней так или иначе, – должен составлять ее сущность. Принимая это как данное, мы должны далее думать, что все наполнено сущностью жизни, так как жизнь есть одно из качеств Абсолюта; или, вернее, то, что мы называем жизнью, должно быть внешним выражением основного бытия Абсолюта. А если это так, то неизбежно следует, что *весь мир должен быть живым*. От этого заключения ум отклониться не может. Если же факты этого заключения не оправдывают, то мы принуждены думать, что вся основа теории об Абсолюте и его эманациях должна пасть и считаться простым заблуждением. Никакая цепь не бывает прочнее своего самого слабого звена; и если данное звено слишком слабо, чтобы выдержать тяжесть мировых фактов, то вся цепь должна распасться, как несовершенная и ненужная, и должна быть заменена другой. Обыкновенно факт этот не упоминается никем из пишущих или трактующих о единстве всего существующего или об эманациях Единого; но с ним нужно считаться и следует о нем подумать. Если в мир есть хотя одна вещь «мертвая», – не живая, – безжизненная, – то вся наша теория должна рушиться. Если какая-нибудь вещь не живет, то, значит, в ней нет сущности Абсолюта, – она – чужда Абсолюту и не соответствует Ему, и, в таком случае, Абсолют не может быть Абсолютом, так как есть что-то, что остается вне его. Вот почему чрезвычайно важно рассмотреть все, что говорит о присутствии жизни во всех вещах, как органических, так и неорганических. Доказательства эти у нас под рукой; приступим же к их рассмотрению.

С древних времен оккультисты всех народов всегда учили, что в мире все живет, что жизнь присутствует повсюду; что в природе нет ничего мертвого, – что смерть означает просто только перемену формы в материале мертвого тела. Оккультисты учили, что жизнь в разнообразных ступенях проявления и выражения, присутствует во всех вещах и заметна даже в самых твердых минералах и в атомах, составляющих эти минералы.

Современная наука быстро подходит к тому же самому утверждению; все ученые изыскания и открытия только подкрепляют это учение.

Бурбанк, этот изумительный исследователь жизни растений, хорошо выражает нашу мысль, говоря:

«Все мои исследования отдаляли меня от идеи мертвых материалов, нагроможденных повсеместно в мире различными силами, и приводили к идее такого мира, который весь абсолютно – есть сила, жизнь, дух, мысль, – или назовите это какими угодно другими именами. Каждый атом, молекула, растение, животное или планета являются сочетанием органических сил, сдерживаемых вместе другими, более мощными силами, временно скрытыми, хотя и чрезвычайными неоспоримой мощью. Всякая жизнь на нашей планете находится как бы на внешнем краю этого бесконечного океана сил. Мир вовсе не мертв наполовину; он – весь живой».

Наука созерцает теперь живой мир. Она еще не вполне поняла все значение своих открытий, и руки ее как бы поднялись, чтобы защитить глаза от ослепляющего их непривычного блеска. Из темной пещеры мертвой мировой материи наука вышла на свет полуденного солнца повсеместно живого мира, живого до самых мельчайших и на вид совершенно инертных его частиц.

Начиная с человека, самого высшего из известных нам проявлений жизни, мы можем быстро пробежать всю шкалу животной жизни, и на каждом шагу мы будем видеть жизнь в полном развитии. Переходя из животного царства к явлениям жизни у различных растений,

мы видим, как жизнь проявляется в ростке, являющемся из семени, в развитии ствола, листьев, цветов, плодов и т. д. и в громадном проявлении силы и энергии при таком росте и развитии. Силу жизни можно видеть в растении, ищущем своего выражения и проявления, начиная с первого побега семени, до последнего жизненного акта зрелого растения или дерева.

Кроме жизнедеятельности, проявляемой растениями при росте и развитии, всем, конечно, известно, что растения болеют, умирают и проявляют всякие другие свойства живых организмов. Против присутствия жизни в растительном царстве нет места никаким возражениям.

Но существуют формы жизни и на гораздо более низких ступенях, чем растения. Существует целый мир бактерий, микробов, инфузорий, – групп клеточек с общей жизнью, затем – существ, состоящих из одной только клеточки, вплоть до монары – существа, стоящего ниже, чем одноклеточный организм, существа, состоящего из слизи на дне океана.

Эти крошечные существа, – живые твари, – кажутся глазу простым маленьким пятнышком студенистого вещества, лишенного каких бы то ни было органов. И тем не менее, они проявляют все функции жизни – движение, питание, воспроизведение, ощущение и разложение. Некоторые из этих элементарных организмов состоят из одного только желудка, т. е. имеют только один орган, способный производить все необходимые для жизни животного функции. У этих созданий нет рта, но когда они желают пожрать что-нибудь, они просто обволакивают намеченный предмет, – обворачиваются вокруг него, как капля клея вокруг мошки, и поглощают свою добычу всем своим телом.

Ученые пробовали выворачивать эти маленькие существа наизнанку, но они продолжали жить и функционировать, как ни в чем не бывало. Их разрезали на еще более мелкие части, и каждый кусочек жил, как отдельное существо, спокойно совершая все свои функции. Они всегда и везде остаются все теми же. Они размножаются, достигая определенного размера и разделяясь на двое, – и так далее. Быстрота их размножения прямо замечательна. Геккель говорит о монаре: «Монары являются простейшим видом организмов. Все тело их состоит из одной мягкой бесструктурной плазмы. Как бы старательно мы ни рассматривали их при помощи самых чувствительных реактивов и самых сильных оптических приборов, мы все-таки находим, что все их части совершенно однородны. Поэтому монары оказываются в самом точном значении этого слова „организмом без всяких органов“; в строго философском смысле монару даже нельзя назвать организмом, так как у нее нет никаких органов и нет различия частей. Организмом она может быть названа лишь постольку, поскольку она способна выполнять органические явления жизни, питания, воспроизведения, ощущения и движения».

Ферворн приводит интересный пример жизни и разума у корненожек, низкой формы живых организмов. Он рассказывает, что *diffugia ampula*, или существо, заполняющее крошечную раковину, состоящую из мельчайших частиц песка, имеет длинный отросток, наподобие щупальца или усика; этим усиком оно выбирает со дна моря те частицы песка, из которых она строит раковину или внешний покров для своего потомства, появляющегося путем деления материнского тела. Корненожка захватывает песчаные частицы щупальцем и передает их в свое тело, которым их обволакивает. Ферворн удалял песок со дна банки и заменял его мелкими частицами сильно окрашенного стекла. Вскоре после этого он заметил скопление этих частиц стекла в теле животного, а еще немного позже он увидел отделившееся от корненожки крошечное пятнышко протоплазмы. В то же время он заметил, что куски стекла, собранные матерью, выделились наружу, расположились вокруг тела новорожденного и спаялись веществом, выпущенным телом матери, образовав раковину над новой корненожкой. Этот процесс доказывает присутствие у животного какой-то мысли, достаточной, чтобы заставить его заготавливать раковину для потомства еще до появления последнего на свет, – вернее, – собирать для этой раковины материал и потом употреблять его в дело, – отличать подходящей материал, придавать ему нужную форму и спаивать его. Исследователь говорит, что животное всегда

собирает песок в необходимом количестве – его не было ни слишком мало, ни слишком много. И это делало такое существо, которое немножко больше, чем маленькая капля клея!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.